

Цзян Юаньбай был озадачен.

Он глубоко задумался. Давали ли Цзян Ли указания другие люди? Мужчина заботился о том, чтобы семья Цзян не была унижена, но он забыл о том, чтобы значит оставаться на хорошей стороне Императора Хун Сяо.

– Одно дело, другое дело, отец, мы, семья Цзян, с четырьмя дочерьми, кроме третьей сестры, четвёртая и пятая сёстры также посещают зал Мин И. Но вопреки здравому смыслу я остаюсь дома, во-первых, это несправедливо, во-вторых, попытка скрыть это сделает ситуацию более заметной. Человеческая природа такова, она естественно раскрывается, чтобы другие могли видеть. Другие всё ещё брезгают комментировать, но чем больше это скрывается и утаивается, тем больше другие хотят исследовать и найти истину. Отец думал, что, пряча меня дома, он не позволит другим говорить обо мне. Но это неправильно, чем больше это делается таким образом, тем больше они будут обсуждать.

Когда Цзян Ли произносила всё это, у неё не было никакого особого настроения, казалось, что девушка говорит о ком-то другом. Но в ушах Цзян Юаньбая эти слова звучали вполне разумно. Кроме того, Цзян Юань Син третьей ветви привез людей с некоторыми подарками для Цзян Юй'Э и Цзян Юй Янь, в честь зачисления в Зал Мин И, не говоря уже о них, исходящих из главной ветви семьи.

– Отец, – Цзян Ли опустила глаза. – В то время это была моя ошибка. Однако люди не являются мудрецами, которые не совершали бы никаких проступков, если ты не исправляешь ошибки, то не можешь сделать ничего хорошего. Я была молода и неразумна, но теперь, когда я выросла, я, естественно, понимаю логику. С тех пор как я была маленькой, у меня не было матери, чтобы направлять меня, когда я делала шаг в неправильном направлении, не говори мне, что я должна использовать всю свою жизнь, чтобы расплачиваться за это? Я готова сделать это, но я дочь семьи Цзян, и я не хочу становиться бременем семьи Цзян.

Фраза "с юных лет у меня не было матери, которая могла бы направлять меня" поразила Цзян Юаньбая прямо в сердце. Его сердце дрогнуло, когда мужчина сказал:

– Ли'эр, но ты...

– Отец, когда я была в монастыре горы Цинчэн, я не то чтобы не практиковалась в написании иероглифов. Я знаю, что мой отец – главный помощник в суде и не должен быть простолюдином, который только великодушно улыбается. Поэтому я попросила маленькую учительницу в монастыре, которая умеет читать, научить меня писать. Несмотря на то, что я плохо пишу, я читала книги просветления и могу написать много символов.

Она неожиданно подошла к столу, где Цзян Юаньбай только что написал слово "тихо", и отодвинула его в сторону, прежде чем расстелить чистый лист бумаги. Движение Цзян Ли испугало Цзян Юаньбая, который подсознательно посмотрел на девушку.

Цзян Ли подняла свой рукав и медленно потёрла чернильную палочку. Её запястье было

тонким, движения нежными и мягкими, вызывая необыкновенное чувство красоты, согревая сердца и радуя взоры окружающих. Казалось, Цзян Ли проделывала это бесчисленное количество раз и выглядела очень естественно.

После того как чернила были хорошо протёрты, девушка взяла кисточку и обмакнула её в чернила, прежде чем начать писать.

- Отец, несмотря на то, что Зал Мин И – это школа, там есть много людей, которые могли бы стать друзьями. Пока я не совершаю там никаких ошибок, мне наверняка удастся завести много хороших друзей, можно сказать, что это всегда полезно и безвредно для семьи Цзян. Моя фамилия Цзян, поэтому я всегда желаю, чтобы семья Цзян становилась всё более и более процветающей.

Её почерк отличался от почерка Цзян Юаньбая. Цзян Юаньбай писал медленно, но глубоко, каждый штрих занимал особенно много времени. Однако Цзян Ли уже не была прежней, она казалась нежной и элегантной, вежливой и дружелюбной, но когда девушка писала, возникало ощущение, что она находится в центре битвы. Это было похоже на то, как солдат, взяв в руки клинок, мчится к месту битвы, чувствуя, что сражается до самого рассвета.

Цзян Юаньбай посмотрел на профиль Цзян Ли, элегантную красавицу, изящную, как нефрит, но свирепую, смелую и героическую.

Кисть остановилась, Цзян Ли отложила её в сторону доблестным движением, а затем сказала:

- Готово, – Цзян Юаньбай поднял глаза, чтобы посмотреть и был шокирован с первого взгляда.

Иероглиф был необычайно красив, энергичен и силен. Для успеха такого рода каллиграфической деятельности требовалось не менее десяти лет упорной практики. По сравнению с письмом Цзян Юяо, это было намного, намного лучше. Кроме того, иероглиф действительно не был цветочным девичьим рисунком, который обычно использовали женщины, а был уверенно соединён вместе, аккуратный и гладкий.

Квадрат был полон энергии, место встречи по краям казалось острым.

Видеть иероглиф было всё равно, что видеть человека насквозь. На самом деле прямолинейный и откровенный, жёсткий и цепкий человек, Цзян Юаньбай рассматривал девушку перед собой, как незнакомку.

Цзян Ли посмотрела на него с улыбкой и спросила:

- Теперь ты согласен, чтобы я пошла в Зал Мин И, отец?

<http://tl.rulate.ru/book/25475/1293281>